

радуга
для друга

МИХАИЛ
САМАРСКИЙ

Фукусима,
или
История собачьей
дружбы

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 881.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44
С17

Михаил Самарский
Фукусима, или История собачьей дружбы

Иллюстрация на обложку *Анны Гайворонской*
Дизайн обложки *Екатерины Ферез*

Самарский Михаил Александрович.

С17 Фукусима, или История собачьей дружбы: роман /
Михаил Самарский. — Москва: Издательство АСТ,
2019. — 256 с. — (Радуга для друга).
ISBN 978-5-17-107119-6

Жизнь лабрадора-поводыря Трисона полна приключений и ответственности. Теперь перед ним стоит нелёгкая задача — изменить и скрасить жизнь его подопечных: ветерана МЧС Владимира Петровича и немецкой овчарки-спасательницы Фукусимы. Трисон — пёс опытный и сообразительный, но удастся ли ему подружиться со своими подопечными, защитить Петровича и Фукусиму от насмешек окружающих и помочь им снова радоваться жизни, несмотря ни на что?

УДК 881.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-107119-6

© Михаил Самарский, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Доблестным спасателям посвящаю

Предотвращение, спасение, помощь!

Глава 1

Чем больше узнаю разных людей, тем радостнее мне становится, что я родился лабрадором. И чего только люди не придумают, чтобы уколоть нас побольнее...

Нет, ну посудите сами. Сижу как-то на трамвайной остановке, никого не трогаю, наблюдаю за своими подопечными (не удивляйтесь, но их у меня теперь сразу двое). Просто ждём трамвай. И вдруг один человек, не совсем интеллигентного и презентабельного вида, подходит ко мне, смотрит так, знаете ли, нагло, прямо в упор, и спрашивает:

— Ну чего ты, псина, глазами хлопаешь?

Верите, я от удивления даже слегка приподнял правую бровь.

«Ну, во-первых, — думаю, — с чего ты взял, что я ими хлопаю, просто смотрю. А во-вторых, если бы и так, чем мне ещё хлопать? Ушами, что ли? Но я же не слон тебе африканский...»

Стоп-стоп-стоп! К слову, вспомнил необычную собаку.

Хотя некоторые мои читатели (таких, конечно, очень мало) иногда корят меня за то, что я частенько делаю небольшие отступления от повествования, но, согласитесь, как тут обойти, к примеру, тему ушастых собак? Есть такие оригиналы — закачаешься. Вы знаете, какая собака в этом деле чемпион? Я, между прочим, сам только недавно узнал. Через минуту я продолжу свой рассказ о невоспитанном гражданине, а сейчас позвольте кратенько поделиться любопытной информацией. Так вот, самой ушастой собакой в мире признан пёс по кличке Харбор!

Хозяйка собаки, Дженнифер Верт из штата Колорадо, жаловалась, как ей пришлось помучиться с рекордсменом, пока Харбор был ещё щенком. Он постоянно спотыкался о собственные уши и даже несколько раз сваливался с лестницы. Бедная собака. Но что поделаешь, самобытность и известность требуют жертв. Женщине нравится наслаждаться славой своего питомца. Никто не может спокойно пройти мимо них. Да и как тут пройдёшь: длина одного уха около тридцати одного сантиметра, второго — более тридцати четырёх. Вертолёт, а не собака. Народ останавливается, рассматривает, цокает языком, затем хватается за фотоаппараты и мобильные телефоны.

Словом, вспомнив пса-чемпиона, я тут же мысленно произнёс другое окончание своей фразы: «...чем мне ещё хлопать? Ушами, что ли? Но я же не Харбор тебе из Колорадо...».

— Чует собака, чьё мясо съела! — вдруг заявляет беспокойный гражданин и тычет мне в морду, вернее, в лицо (ведь мы же ещё в первой книге договорились с вами, что я буду свою морду лицом называть*, верно?), каким-то промасленным бумажным пакетом.

«Извините, какое мясо? И при чём тут собака, а тем более я?»

От возмущения я поморщился и даже тихонько гавкнул. Мой подопечный Владимир Петрович взволнованно спрашивает:

— Что такое, Трисон? Что случилось?

Я плотнее прижался к ноге старика и стал наблюдать за новоявленным «мясником».

— Это тоже ваша собака? — спрашивает любитель обидных фразеологизмов, показывая на меня почему-то не указательным пальцем, а мизинцем: наверное, по его уразумению, такой жест добавляет резкости внезапному выпад.

— Вы эту имеете в виду? — отвечает Владимир Петрович и гладит меня.

— Эту-эту, — хмурит брови гражданин. — Не успел пакет с пирожками на лавочку поста-

*Самарский М.А. Радуга для друга. Москва: Эксмо, 2012.

вить, как он уже свалил его на землю. Сплошное безобразие.

«Сколько я уже в жизни пережил вот таких наветов! Что за люди! Ну почему так? Что ни случись, тут же сразу обвиняют собаку. Да не трогал я никакого пакета, зачем мне ваши пирожки, которые, кстати, я вообще не ем?! У меня есть своя еда, и очень даже неплохая...»

— Уважаемый, — перебив мои отчаянные мысли, вступился за меня Владимир Петрович, — вы заблуждаетесь, мои собаки чужого не возьмут.

— Ага, — хмыкнул гражданин и нарочито рассмеялся, — знаем мы ваших собак. «Не возьмут...» Только и смотрят, у кого что стырить! Свою живность все нахваливают, а они, собаки, за спиной у хозяина такое вытворяют...

Слава богу, подъехал трамвай, и кулинар-фантазёр, погрозив мне пальцем из проёма дверей, уехал.

«Кушай свои пироги, не обляпайся!» — пожелал я ему в дорогу.

Уважаемый читатель, ты, наверное, недоумеваешь: дескать, что это ещё за множественное число? Почему вдруг подопечные? Почему не собака, а собаки? Сколько их там? А всё просто. У меня теперь сразу два подопечных. Человек и собака. Да-да! Кто бы мне сказал, что я буду когда-то работать поводырём у собаки, не поверил бы.

Вот они, мои дорогие, знакомьтесь: Владимир Петрович Екушевский, ветеран МЧС, и немецкая овчарка Фукусима, тоже бывшая спасательница. И если Владимир Петрович что-то там ещё различает, какие-то контуры, одним глазом и очень слабо, то Фуку не видит совсем ничего. Оба мои подопечные пострадали во время чрезвычайного происшествия, или, как кратко говорят люди, ЧП. Был сильный пожар, какой-то страшный обвал... Словом, Петрович едва не сгорел заживо, но Фукусима успела вытащить его из-под обломков. Врачи выходили обоих, а вот зрение отважным спасателям восстановить не удалось.

У каждого слепого (будь то человек или собака — неважно) своя печальная история. Зрение теряют по-разному. А вот наша задача, поводырей, — хоть немного заменить им глаза и облегчить их жизнь. Признаться, я сначала переживал: шутка ли — работать поводырём одновременно и у человека, и у собаки. Согласитесь, необычная и ответственная работа. Меня закрепили за этой отважной парой, конечно, учитывая мой опыт работы. Как-никак я уже прошёл, как говаривал мой самый первый подопечный, Иван Савельевич, и Крым, и рым.

Но переживания мои оказались напрасными. Мы с Фуку подружились в первый же день. Скажу вам, друзья, это умнейшая собака. По вечерам, когда наш старик слушал телевизор или радио, мы

с Фукусимой рассказывали друг другу истории. Ну, о моей жизни и работе вы знаете почти всё. Наверное, помните, что и мне довелось поработать несколько раз спасателем. Кстати, однажды, спасая ребёнка, тоже мог стореть в детском саду*. Но обошлось! А вообще я собака везучая.

Истории Фукусимы, конечно, с моими подвигами не сравнить. Вот уж работёнка так работёнка! Я думал, что самая нервная работа у нас, собак-поводырей. Куда там! Пусть на меня не обижаются мои коллеги, собаки-поводыри, но нужно сказать прямо: настоящие герои — это, конечно, спасатели. Жаль, что собакам ордена не дают. Вот Владимира Петровича президент наградил орденом Мужества, а Фукусиме вместо ордена — пожизненное содержание. Но и на том спасибо. Могли ведь просто усыпить и закопать где-нибудь на собачьем кладбище. Кому нужна слепая собака? Хотя, я думаю, Петрович не дал бы. Я как-то слышал, он своему товарищу-однополчанину за ужином говорил:

— Ты знаешь, Мить, если моя Фуку помрёт, я, наверное, не смогу без неё жить. Ей-богу, и сам концы отдам. Впрочем, я уже давно там должен был быть, да вот собака не отпустила. Где ты, Фуку? Иди ко мне, милая, иди...

Фуку в таких случаях всегда подходит к старику и тычет носом тому в коленку. Владимир Пе-

*Самарский М.А. Формула добра. Москва: Эксмо, 2012.

трович сначала треплет её за уши, гладит, затем наклоняется к ней, целует в нос и ласково говорит:

— Ложись, родимая, отдыхай.

— Ну а как твой лабр? — спрашивает Митька (это он обо мне).

— О-о-о-! — радостно восклицает старик. — Золото, не собака.

Представляете, каково мне такое слышать? Да от таких слов даже польку-бабочку хочется танцевать. Но я мысленно улыбаюсь и благодарю старика за столь высокую оценку моей работы.

Вот признайтесь: вы с первых строк моего повествования подумываете о том, что имя моей подопечной связано каким-то образом с Японией, ну, там с этой атомной электростанцией, с цунами, страшным наводнением и так далее. Верно? Придётся вас разочаровать. Никакого отношения и даже намёка наша Фукусима к японской не имеет. Но история появления на свет такого необычного имени очень интересная, я бы сказал, совсем необычная.

Мир ещё и слыхом не слыхивал ничего о японской «Фукусиме», а наша героиня уже совершала подвиги. Началось всё с того, что отец Владимира Петровича приобрёл щенка немецкой овчарки. Впрочем, слово «приобрёл», наверное, в этом случае не совсем верное.

Ладно, давайте обо всём по порядку. Жил старик — а ему в ту пору было уже за семь-

десять — в Подмоскowie, в частном доме. Однажды, совершая прогулку, Пётр Иванович услышал странный писк. Остановился, прислушался и вдруг видит: сосед Гришка направляется с каким-то свёртком и ведром к реке. Писк раздавался как раз из свёртка.

— Ты кого там, сосед, арестовал? — спрашивает Пётр Иванович и кивает на свёрток.

— Здоров, Иваныч, — кивнул сосед. — Да вот, зараза моя умудрилась спрятать в дровянике щенка, фук бы его побрал. Остальных ещё слепыми потопил, а этот вот выжил, сволочь. Хитрющая у меня собака — родила и спрятала.

— Стой, — замахал руками Пётр Иванович, — так ты что, это... топить его идёшь?

— Ну да! — кивнул сосед. — А что мне, солить их, что ли? Собака-то у меня ещё молодая, недавно пять лет исполнилось. Жрёт как слон. И этот сейчас, не заметишь, вымахает. Чем их кормить?

Старик подошёл к соседу, протянул руки к свёртку и тихо сказал:

— Ну-ка дай взгляну на него.

— Ой, Иваныч, — сосед отстранил руки старика, — иди уже своей дорогой, не трави ты мне душу. Думаешь, я живодёр? Ты думаешь, мне так просто? Самому тошно...

— Дай, говорю, — перебив, настойчиво потребовал старик.

Сосед присел на корточки и развернул свёрток. Оттуда вылезла смешная щенячья голова, пленник зажмурился. Спустя некоторое время он приоткрыл один глаз и громко тьякнул.

— Фук бы тебя побрал, — вздрогнул сосед, — чего орёшь?

— Упрекает он тебя, — рассмеялся Пётр Иванович, — понимает всё. Иди ко мне, иди, не бойся, — поманил старик щенка.

— Да дикий он, Иваныч, он людей-то ещё не видел, говорю же, в дровянике прятался. Я его еле поймал. Сам с гулькин нос, а кидается...

Неожиданно щенок выскочил из своих пелёнок, подбежал к старику, спрятался за его ногу и, взглянув из засады на соседа, снова громко тьякнул.

— Тудыть твою мать, — рассмеялся сосед. — Ты посмотри на этого героя!

Пётр Иванович наклонился и поднял щенка с земли. К удивлению соседа, кутёнок не сопротивлялся, не визжал, не брыкался. Старик поднёс щенка к лицу, и тот смело лизнул его в нос.

Вы, наверное, уже догадались, что произошло дальше. Ну конечно, Пётр Иванович отменил утопление, а Фук перебрался к нему в дом. Кличку щенок получил из-за привычки соседа.

Отвлекусь на минутку, поясну, откуда у Гришки взялась эта привычка. Это тоже весьма интересно. Раньше он говорил «чёрт бы его по-

